

4. The Democratic Party Platform (2004) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2004-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
5. The Democratic Party Platform (2008) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
6. The Democratic Party Platform (2012) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2012-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
7. The Democratic Party Platform (2016) [Electronic resource] / Mode of access: [presidency.ucsb.edu/documents/2016-democratic-party-platform](https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-democratic-party-platform). – Date of access: 10.06.2022.
8. The Republican Party Platform (1992) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1992>. – Date of access: 10.06.2022.
9. The Republican Party Platform (1996) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1996>. – Date of access: 10.06.2022.
10. The Republican Party Platform (2000) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
11. The Republican Party Platform (2004) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2004-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
12. The Republican Party Platform (2008) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
13. The Republican Party Platform (2012) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2012-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
14. The Republican Party Platform (2016) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.

Косов А.П.
ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В МЕМУАРАХ Б. ОБАМЫ И ЧЛЕНОВ ЕГО АДМИНИСТРАЦИЙ

Мемуары являются одним из видов исторических источников, позволяющих рассмотреть исследовательскую проблему во всей ее полноте. Под ними подразумеваются воспоминания, написанные участниками или современниками каких-либо событий, имеющими с точки зрения авторов определенную социально-политическую значимость.

Мемуары – один из интересных, но вместе с тем весьма сложных и специфических видов источников. Отдельную категорию представляют политические мемуары, авторами которых являются президенты, министры, дипломаты и иные высокопоставленные лица. Как правило, они написаны на основе личного практического опыта, памяти, впечатлений и чувств авторов. Исходя из того, что мемуары имеют субъективный характер, они служат дополнительным источником информации при изучении проблем внутренней и внешней политики. Их детальное изучение представляется целесообразным, прежде всего, для получения более полного представления о мотивах поведения государственных деятелей, дипломатов и политиков при принятии ими тех или иных решений. Подобные сведения, как правило, крайне редко можно почерпнуть из официальных источников.

В США политические мемуары составляют неотъемлемую часть политической культуры, поскольку в первую очередь рассматриваются как средство получения дивидендов в виде «укрепления политических позиций политика или структуры (улучшение имиджа, укрепление влияния, роли в политическом процессе, рост курса акций, получение большинства голосов на выборах)». Они, пусть и запоздало, дают политикам и дипломатам возможность ответить на обвинения своих оппонентов; отвести от себя критику; объяснить то, что когда-то было неверно истолковано политическими противниками или СМИ, то, что было невозможно опровергнуть в публичных выступлениях ранее. В этом плане мемуары отличаются излишней политизированностью и стремлением их авторов максимально обелить себя в период своей активной политической деятельности в глазах общественности.

Одной из проблем, нашедших отражение в мемуарах представителей американской элиты, являются отношения между Вашингтоном и Москвой. Среди авторов можно назвать президента Б. Обаму, вице-президента Дж. Байдена, госсекретарей Х. Клинтон и Дж. Керри, министров обороны Р. Гейтса и Л. Панетту, посла США в Москве М. Макфола и других высокопоставленных чиновников из числа двух администраций Обамы.

Интерпретируя развитие российско-американских отношений, многие из них большое внимание уделяют оценке руководителей России, особенно личности В. Путина. Можно отметить, что Б. Обама и члены его администраций рисуют гипертрофированный негативный образ В. Путина, якобы агрессивно настроенного в отношении окружающего мира. При этом наблюдается усиление его очернения по мере нарастания противоречий между Вашингтоном и Москвой в связи с началом более активного отстаивания последней своих национальных интересов. Так, зловещий образ российского лидера предстает на страницах мемуаров Б. Обамы, который сравнивает В. Путина с Д. Медве-

девым, занимавшим пост президента в 2008–2012 гг. С последним 44-й глава Белого дома впервые встретился в апреле 2009 г. в Лондоне на саммите G-20, а затем летом того же года во время своего визита в Москву. Д. Медведев произвел на него приятное впечатление современного политика, заинтересованного в позитивном развитии российско-американских отношений. Б. Обама признал, что тогда его особенно поразило предложение президента РФ разрешить американцам использовать воздушное пространство страны для транспортировки натовских войск и техники в Афганистан. Он был благодарен Д. Медведеву и за его позицию по иранскому вопросу, которая позволила Вашингтону добиться успеха на этом направлении. При этом тогдашний хозяин Кремля показался Б. Обаме скорее менеджером крупной корпорации, нежели президентом страны. Экс-президенту США запомнился семейный ужин с четой Медведевых, и он сделал вывод о том, что они с его российским коллегой во многом очень похожи. Однако, как подчеркивает Б. Обама, реальной властью в РФ по-прежнему обладал В. Путин, занимавший тогда пост премьер-министра [7, р. 181]. Например, как вспоминает президент США, едва у него зашел разговор с Д. Медведевым о российско-грузинском конфликте 2008 г., президент РФ повторил все доводы официальной пропаганды, «как будто его держали на поводке». Когда же речь зашла о других вопросах, он явно расслабился и с удовольствием вел беседу. Исходя из этого, Б. Обама пришел к выводу, что Д. Медведев «как будто пытался показать мне, что и сам не верит ни одному своему слову» [7, р. 185].

О несамостоятельности Д. Медведева говорится и в воспоминаниях вице-президента Дж. Байдена, который довольно цинично называет его «временным кандидатом на пост президента». Вспоминая свою поездку в Москву, чтобы развеять опасения Кремля по поводу планов Вашингтона по развертыванию элементов ПРО в Польше и Румынии, Дж. Байден отмечает, что он был уверен, кто на самом деле управляет РФ. По его мнению, в правящем тандеме именно В. Путин выступал в роли ведущего [1, р. 94]. Для Дж. Байдена последний представлялся «человеком без души», недостойным доверия со стороны американцев [1, р. 94].

По словам американского президента, отношения с В. Путиным у него не сложились с их самой первой встречи в Ново-Огарево. Б. Обама сравнил своего собеседника, с одной стороны, с чикагским гангстером, «воспитанным по законам улиц», а с другой – с инстаграм-подростком, любующимся своими фото в стиле мачо, хотя физически он выглядел для него «непримечательным» [7, р. 243, 245]. По его мнению, разговор у них не заладился с самого начала, поскольку В. Путин набросился на США с многочисленными обвинениями относительно вторжения в Ирак, дестабилизации Ближнего Востока, расширения НАТО, организации «цветных революций». После чего он якобы не слишком внимательно стал слушать объяснения своего гостя [7, р. 243]. Поэтому в своих мемуарах Б. Обама характеризует В. Путина как авторитарного лидера, приверженного воинственной внешней политике. 44-й американский президент считал все его действия стереотипом успешного развития России, которая на самом деле таковой не являлась. С точки зрения Б. Обамы, она больше не была сверхдержавой, так как, несмотря на наличие серьезного ядерного арсенала, Москва в отличие от Вашингтона не обладала масштабной сетью союзников и военных баз по всему миру, дававших возможность проецировать свою мощь на международной арене [7, р. 245]. Кроме того, он указал на зависимость современной России от экспорта углеводородов и вооружений, и акцентировал внимание на том, что российская экономика слабее экономик Италии, Канады и Бразилии [7, р. 247]. Помимо прочего, Б. Обама отметил высокий уровень коррупции и низкую продолжительность жизни мужского населения в РФ. Именно разрывом между реальным положением дел и желанием В. Путина считать Россию сверхдержавой экс-президент США объясняет якобы возрастающую воинственность страны в мире.

Подтверждение негативному отношению к В. Путину можно найти и в воспоминаниях членов двух администраций Обамы. Так, Р. Гейтс сетовал на олигархический режим, правящий Россией, во главе с человеком, ностальгирующим по потерянной империи [4, р. 169]. Правда, при этом он давал весьма критическую оценку российской политике США, считая, что, когда Россия была слабой, Вашингтон не принимал всерьез российские интересы. Американцы не утруждали себя тем, чтобы взглянуть на мир с позиций Москвы, и не смогли выстроить конструктивные отношения с русскими на перспективу [4, р. 158].

Бывший госсекретарь Х. Клинтон, характеризуя внешнюю политику России, аллегорически называет В. Путина «одним из тех парней в метро, которые властно раздвигают ноги, вторгаясь в чужое пространство, как бы говоря: “Я беру то, что хочу”» [3, р. 327]. Для нее он «жесткий человек», преклоняющийся перед могуществом российских самодержцев, с «чрезмерной мачо-театральностью» и великодержавными амбициями [2, р. 201, 327]. Х. Клинтон оценивает его сквозь призму прошлого российского лидера. Она считает, что «КГБ научил Путина относиться ко всем с подозрением» [3, р. 329]. Это видно из ее утверждений о том, что он стремится «восстановить утраченную империю» и «ресоветизировать периферию России» [2, р. 210, 215]. В. Путин до сих пор не

может пережить слабость и унижения РФ в 1990-е гг. [2, р. 328]. Она уверена, что сложности в российско-американских отношениях во многом обусловлены именно особенностями путинского восприятия мира: ведь якобы в его глазах «геополитика возможна только с нулевым балансом – если один выигрывает, то другой должен проиграть» [2, р. 227]. Исходя из этого, Х. Клинтон обращала внимание на «опасность», исходящую от В. Путина, для мирового порядка. При этом она достаточно лестно отзывается о своем коллеге С. Лаврове, в котором видит «пример высокого дипломатического искусства», позволяющего отстаивать интересы Кремля «интеллектуально, энергично и немного высокомерно» [2, р. 231]. Поэтому, покидая Госдепартамент, она рекомендовала Б. Обаме «нажать на кнопку паузы» в российско-американских отношениях [2, р. 244]. Х. Клинтон пишет, что с оптимизмом смотрела на старт «перезагрузки» с Россией, но у нее с самого начала были сомнения в отношении В. Путина [2, р. 205]. И это подтвердилось. Москва активизировала свои «враждебные» действия в мире. Так, она отмечала, что на президентских выборах 2016 г. в США имело место российское «вмешательство», которое не позволило ей одержать победу [3, р. 326]. По ее словам, это произошло из-за того, что В. Путин якобы затаил на нее глубокую обиду и приложил все усилия, чтобы она не стала президентом США [3, р. 333]. Поэтому именно «экспансионистскими амбициями» Кремля Х. Клинтон оправдывала действия администрации Обамы на мировой арене [2, р. 239].

Аналогичных взглядов на мотивы, заставлявшие В. Путина «агрессивно» действовать на мировой арене, придерживается и преемник Х. Клинтон на посту госсекретаря – Дж. Керри. Он подчеркивает, что В. Путин с «большой нежностью и сентиментальностью» вспоминает СССР. По его словам, российский лидер является «сложной фигурой», в одних случаях проявляющий доброжелательность к своим собеседникам, а в других – мелочность и вредность, показывая тем самым свое величие и превосходство [5, р. 438]. Подобным образом он старается действовать и на мировой арене. Согласно Дж. Керри, смотреть на Россию через «розовые очки» или, наоборот, через призму Холодной войны, является ошибкой. Наиболее оптимальный вариант развития российско-американских отношений – это взаимодействие. Однако Вашингтон должен проявлять твердость и не в коем случае не потакать В. Путину в его великодержавных амбициях [5, р. 438–439]. Экс-госсекретарь подчеркивает, что на протяжении всей своей работы в администрации Обамы, он оставался открытым для переговоров с российской стороной, даже, несмотря на якобы деструктивное поведение РФ в Сирии, Украине и т.д. При этом Дж. Керри также дает характеристику своему визави – С. Лаврову. Он описывает российского министра иностранных дел как человека «умного, расчетливого и своеобразного», стремящегося получить преимущество над партнерами за переговорным столом. В качестве примера он приводит напряженные переговоры России и США по Сирии, когда русские, якобы демонстрируя свое намерение уйти с них, поставили свой багаж в коридоре. Подобные действия Дж. Керри назвал «неуклюжей» и «типичной российской тактикой» по «расстановке ловушек» [5, р. 538]. В мемуарах он выражает свое сожаление по поводу того, что к 2017 г. российско-американские отношения «достигли конца» из-за позиции Москвы [5, р. 554–555]. Дж. Керри разочарован нарастанием неразрешимых разногласий между США и РФ по поводу ситуации вокруг Сирии и Украины, а также так называемого российского «вмешательства» в американские выборы 2016 г. [5, р. 438].

Вице-президент Дж. Байден также утверждает, что он разделял позицию Б. Обамы по стремлению найти общий язык с российским руководством [1, р. 93]. Провал политики «перезагрузки» он связывает якобы исключительно с «недобросовестным» партнерством Москвы. Дж. Байден называет действия России на постсоветском пространстве попытками Кремля «запугать» соседей, забывая при этом о своих громогласных заявлениях распространить свой порядок на всю Европу [1, р. 97]. Очевидно, что российские интересы в мире, противоречащие интересам Америки, считаются им нелегитимными. Типичным примером представляется позиция сторон по Украине. Дж. Байден вспоминает, что чувствовал «моральный долг» защищать Украину от «агрессивной» России. Отмечая «агрессивную кампанию Путина по расколу Украины» в «грубых нарушениях подписанных им соглашений», он называет В. Путина «демагогом и ревизионистом» [1, р. 185–187]. Тем самым Дж. Байден демонстрирует в своих мемуарах негативный образ РФ.

Заместитель советника президента по национальной безопасности в 2009–2017 гг. Б. Родс напрямую связывает ухудшение российско-американских отношений с возвращением В. Путина на пост президента в 2012 г. Американский чиновник выразил разочарование политикой «перезагрузки», обвинив Москву в непоследовательности шагов по улучшению двусторонних отношений [8, р. 152]. С его точки зрения, вернувшись в Кремль, В. Путин пошел на сознательное обострение с Соединенными Штатами. Москва якобы заняла неконструктивную позицию по всем основным вопросам двусторонней повестки, тогда, как Вашингтон предлагал конструктивное сотрудничество. Он объясняет действия российского руководства на Украине имперскими комплексами РФ. Б. Родс также считает, что к точке невозврата в украинском кризисе привели самовольные действия В. Нуланд, которую он назвал «неоконом» из команды Д. Чейни [8, р. 235–236]. По украинскому

вопросу Б. Родс излагает официальную точку зрения, считая, что Соединенные Штаты в отличие от России не были заинтересованы в контроле этой страны. Вашингтон якобы просто выступал за соблюдение международного права – права украинцев на принятие самостоятельных решений. При этом, по его мнению, Б. Обама не мог дать летальное вооружение Киеву, как того требовали вашингтонские ястребы, поскольку это все равно не решило бы проблему. Вместо этого, администрация Обамы стала усиливать санкционное давление на Москву и увеличивать военное присутствие в странах НАТО по периметру российских границ. Поэтому Б. Родс поддержал курс Вашингтона на ужесточение политики США на российском направлении, хотя, в целом, он занимает достаточно критичную позицию в отношении своего бывшего шефа – Б. Обамы. А вслед за Х. Клинтон видит российский след в американских выборах 2016 г. [8, р. 383].

Свой взгляд на развитие российско-американских отношений в годы президентства Б. Обамы представил и М. Макфол, работавший в 2008–2011 гг. старшим директором по делам России в Совете национальной безопасности, а в 2012–2014 гг. служивший послом США в Москве. В своих мемуарах он называет себя руссофилом и знатоком русской культуры и истории [6, р. 48–49]. Автор мемуаров пишет, что сам искренне верил в возможность сближения США и РФ на основе взаимных интересов и общих ценностей [6, р. 423]. Однако этого не случилось. Небольшую долю ответственности за неудачу М. Макфол возлагает на американцев. Например, он сожалеет, что в свое время в Вашингтоне отвергли идею о включении России в НАТО, тем самым вынудив Москву пойти по пути реваншизма [6, р. 48–49]. Поэтому даже себе задает вопрос: «Что я сделал не так?» [6, р. XI]. Однако главным виновником напряженности в российско-американских отношениях экс-посол называет путинский «авторитарный» режим.

Характеризуя политику «перезагрузки», одним из творцов которой М. Макфол себя считает, он подчеркивает, что в Вашингтоне по-прежнему рассматривали Россию стратегической угрозой номер один [6, р. 195]. Бывший посол подтверждает коллективную оценку администрации Обамы о том, что Москва никогда серьезно не выступала за перезагрузку [6, р. 409–428]. При этом он признает, что некоторые решения Москвы были достаточно конструктивными. В качестве примера автор называет позицию Д. Медведева по Ливии, что привело его к размовке с В. Путиным, назвавшим действия НАТО «крестовым походом». После этого первый якобы утратил доверие у последнего [6, р. 225–227]. Наряду с этим М. Макфол пишет, что администрация Обамы не надеялась, что «перезагрузка» приведет к еще одному российско-американскому «медовому месяцу», как в начале 1990-х гг. [6, р. 80]. Ключевым же фактором краха политики «перезагрузки», по убеждению экс-посла, стало возвращение В. Путина на пост президента РФ. В целях укрепления своей власти США снова понадобились президенту России в качестве внешнего врага [6, р. 416]. Поэтому М. Макфол уверен, что если бы не произошло возвращения В. Путина в Кремль, не было бы и нарастания напряженности между Москвой и Вашингтоном. Вины администрации Обамы в конфронтации автор мемуаров не видит [6, р. 414].

Описывая российско-американские отношения, М. Макфол проявляет ярко выраженную личную неприязнь к В. Путину, наделяя его неллицеприятными эпитетами [6, р. 336, 419]. Он считает, что последний необоснованно обвинил его в разжигании антипутинских протестов в России [6, р. 239, 254, 259]. Конечно, это откровенное лукавство экс-посла. Хотя, именно российского президента М. Макфол называет «человеком, обученным лгать» [6, р. 64]. Очевидно, что автор избрал простейший путь объяснения неудач в российско-американских отношениях, указав на В. Путина, как главную проблему.

Таким образом, мемуары государственных и политических деятелей представляют интерес тем, что дают возможность заглянуть за кулисы формирования и реализации большой политики и оценить ее движущие импульсы. В этом контексте воспоминания Б. Обамы и членов его двух администраций не только описывают политическую карьеру их авторов, интриги, дрязги, но и дают субъективные характеристики политическим фигурам США и зарубежных государств, исходя из своего видения решения рассматриваемых проблем, в том числе и процесса развития российско-американских отношений.

Совершенно очевидно, что рассмотренные мемуары не дают объективных оценок взаимоотношений Москвы и Вашингтона. Они, лишь в очередной раз, доказывают тренд на русофобию в политических кругах Америки. Их авторы проявляют ярко выраженный ястребиный взгляд на Россию. Для многих из них характерен открытый цинизм и враждебность в отношении РФ и ее руководства, особенно В. Путина. Чтение подобных мемуаров позволяет лишний раз убедиться – кто, на самом деле несет главную ответственность за нарастание конфронтации в российско-американских отношениях. И, это, однозначно, не Москва.

1. Biden, J. *Promise Me, Dad: A Year of Hope, Hardship, and Purpose* / J. Biden. – N. Y. : Flatiron Books, 2017. – XVIII+272 p.
2. Clinton, H. R. *Hard Choices: A Memoir* / H. R. Clinton. – N. Y. : Simon & Schuster, 2014. – XII+635 p.
3. Clinton, H. R. *What Happened* / H. R. Clinton. – N. Y. : Simon & Schuster, 2017. – XIV+494 p.

4. Gates, R. *Duty: Memoirs of a Secretary at War* / R. Gates. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 2014. – X+618 p.
5. Kerry, J. *Every Day Is Extra* / J. Kerry. – N. Y. : Simon & Schuster, 2018. – XVIII+622 p.
6. McFaul, M. *From Cold War to Hot Peace: An American Ambassador in Putin's Russia* / M. McFaul. – N. Y. : Houghton Mifflin Harcourt, 2018. – XXII+506 p.
7. Obama, B. *A Promised Land* / B. Obama. – N. Y. : Crown Publishing Group, 2020. – XVI+751 p.
8. Rhodes, B. *The World As It Is: A Memoir of the Obama White House* / B. Rhodes. – N. Y. : Random House, 2018. – XX+450 p.

Черкасский Я.В.

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА КАК ИСТОЧНИК ПО СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Проблематике обеспечения различных аспектов безопасности арабских стран Персидского залива, с учетом особой значимости данного региона в настоящее время в глобальной геополитической архитектуре, посвящен достаточной широкий круг источников.

Вместе с тем необходимо отметить, что, наряду с источниками информации справочного и статистического характера, издаваемыми профильными министерствами стран-участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), которые позволяют проанализировать стратегию обеспечения безопасности для региона в целом, значительный научный интерес представляет группа источников, содержащая материалы публикаций ведущих экспертно-аналитических центров ОАЭ (и иных стран ССАГПЗ), занимающихся исследованиями в политической, экономической и социальной сферах.

В указанных целях проведен комплексный анализ имеющейся в открытых источниках информации, изучена специфика их работы, включая официально заявленные контакты с представителями органов госуправления, а также иных международных экспертных центров.

В частности, целесообразно выделить публикации Эмиратского центра стратегического анализа и исследований (The Emirates Center for Strategic Studies and Research, ECSSR), специализирующегося на аналитических исследованиях в области политики, экономики, обществоведения и культуры ОАЭ, стран региона Персидского залива, а также иных арабских государств (материалы центра действуют при подготовке аналитических обзоров высшему руководству ОАЭ для выработки и принятия решений в сфере обеспечения безопасности).

Основная задача, сформулированная властями для ECSSR – создание национального независимого учреждения, занимающегося научными исследованиями в дополнение к политическим, экономическим, социальным и культурным исследованиям, имеющим отношение к ОАЭ, региону Персидского залива и всему миру, а также поддержка государственной политики и курса на создание «общества будущего» в свете ускорившегося технического развития социума [1].

Центр проводит регулярные и периодические исследования, отчеты и анализы, которые имеют отношение к местным, региональным и международным событиям и проблемам, влияющим на национальную безопасность ОАЭ сейчас и в будущем.

Исследования, доклады и аналитические материалы ECSSR варьируются в зависимости от тем, которые они затрагивают, включая политические, военные, экономические и социальные вопросы, безопасность, а также гуманитарный блок, касающийся тематики здоровья, воды, продуктов питания и окружающей среды.

На ежегодной основе представителями ECSSR проводится ряд конференций с приглашенными лекторами из зарубежных стран, чаще всего, представляющими научно-исследовательские центры, являющиеся партнерами ECSSR.

Отдельное внимание для исследователей проблематики ближневосточной безопасности заслуживают аналитические материалы, публикуемые Эмиратским центром политики (Emirates Policy Center, EPC).

Указанный центр создан в сентябре 2013 года во время событий «арабской весны» для изучения внутренних и внешних угроз национальным государствам в регионе Персидского залива, и, в более широком аспекте, в арабском мире [2]. Специализируется на разработке аналитических материалов для представителей органов власти и управления в области текущих и перспективных событий, подготовке рекомендаций в отношении оптимальных действий в рамках реализации внутренней и внешней политики ОАЭ.

Целью EPC является определение и прогнозирование воздействия геополитических событий и изменений в глобальном балансе сил на ОАЭ и регион, подготовка анализов политического риска для местных, региональных и международных партнеров, включая оценки последствий геополитических кризисов и сдвигов.